

К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В КУЛЬТУРАХ КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ I тыс. до н.э.

Народы, населявшие во II—I тыс. до н.э. Евразийские степи, сыграли немаловажную роль не только в становлении более поздних популяций этой территории, но оказали огромное, иногда решающее влияние на ход исторического развития стран древнего Востока и античного мира.

С момента установления языковедами родства индоиранских языков и соответственно народов — их носителей — степи Восточной Европы всегда включались в состав территории обитания этих народов, несмотря на всю дискуссионность вопроса локализации прародинны индоиранцев.

Работы последних десятилетий, особенно в области изучения индийской и иранской мифологии — выделение так называемого «Северного цикла»¹, а также археологические исследования на Южном Урале, где открыта целая серия памятников типа Синташты², позволили высказать достаточно аргументированные суждения по этим вопросам. Сейчас можно уверенно говорить, что в эпоху общеварийского единства индоиранцы обитали в степных районах Юго-Восточной Европы до Зауралья³. Именно в Зауралье был открыт уникальный культурный комплекс Синташта, состоящий из поселения, могильника и храмово-погребального сооружения, обнаруживший удивительные параллели с данными Ригведы и Авесты и датированный временем не позднее XVII—XVI вв. до н.э.⁴ В течение II тыс. до н.э., очевидно, как раз из этих районов происходило расселение индоиранских племен по обширной территории Казахстана, Средней Азии, вплоть до границ Индии и Ирана⁵. И индоиранское языковое единство, и близость друг другу кочевнических культур степей Евразии I тыс. до н.э., получивших

¹ Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. М., 1983.

² Генциг В.Ф., Зданович Г.Б., Генциг В.В. Синташта // Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. I. Челябинск, 1992.

³ Бонгард-Левин, Грантовский. Ук. соч. С. 153, 167.

⁴ Генциг, Зданович, Генциг. Ук. соч. С. 375, 376.

⁵ Бонгард-Левин, Грантовский. Ук. соч. С. 167.

в науке название «культуры скифо-сибирского мира»⁶, представляют собой интереснейшие исторические феномены, в той или иной степени, несомненно, взаимосвязанные между собой. Видимо, немаловажное влияние на процесс формирования культур «скифо-сибирского мира» оказало импульсивное многоактное расселение индоиранских племен из Зауралья или из-за Волги, начавшееся не позднее середины II тыс. до н.э. Необходимо учитывать и то, что степи Восточной Европы и Южного Приуралья были районами, где формировалось ядро культур именно ираноязычных кочевников, хотя в состав населения всего «скифо-сибирского мира» входили, очевидно, кочевники и других языковых групп. Именно с этой ситуацией, а также и с ориентацией кочевников на различные центры древней цивилизации связано деление внутри культур «скифо-сибирского мира» на отличающиеся друг от друга регионы.

Локализация прародин индоиранских народов, время и пути их расселения, происхождение, становление и развитие, а также характер взаимосвязей и взаимовлияний культур кочевников «скифо-сибирского мира» как внутри этого сообщества, так и с народами древнего Востока и античного мира являются и по сей день остро дискуссионными вопросами. Также спорны и позиции исследователей в том, чем вызвано сходство культур «скифо-сибирского мира»: существованием ли единого источника их происхождения или определенным этапом (стадией) исторического развития и широкими взаимосвязями, обусловленными кочевым образом жизни этих народов. Поэтому предлагаемую статью следует рассматривать как одно из направлений в поисках путей для решения вопроса о механизмах сложения культур «скифо-сибирского мира» в степях Евразии.

Рубеж II—I тыс. до н.э. и начало I тыс. до н.э. явились в степях Евразии временем эпохальных перемен. Во всех регионах этой аридной зоны происходит становление нового наиболее специфического вида производящего хозяйства — кочевого скотоводства. С этим же периодом связано еще одно не менее важное достижение — освоение и употребление населением этих регионов железа в качестве ведущего металла.

Оба эти события послужили фундаментом для формирования в определенной экологической зоне — степях Евразии — кочевнических культур «скифо-сибирского мира». Объединяет их наличие так называемой «скифской триады», заключающейся в сходстве, иногда очень ярком, на всей этой территории таких предметов, как оружие, конское снаряжение и изделия в зверином стиле.

Переход к кочевому экстенсивному скотоводству с регулярными циклическими маршрутами перекочевок не был процессом одномоментным. Между временем освоения лошади для верховой езды (не позднее второй половины II тыс. до н.э.), что являлось одним из условий существования кочевого скотоводческого хозяйства, и окончательным становлением последнего прошло не одно столетие. Это был период созревания целого ряда факторов, взаимодействие которых и явилось той основой, на которой вырос новый хозяйственный уклад и соответственно новый образ жизни. Наиболее значительными среди этих факторов были совершенствование приемов ведения скотоводческого хозяйства; оформление видового состава стада, оптимально приспособленного к условиям аридной зоны; повсеместное распространение колесно-упряжного транспорта и освоение лошади для верховой езды; новый уровень социальных отношений, связанный с возросшей имущественной и социальной дифференциацией, когда скот становится одной из форм накопления богатств, что создает стимул к увеличению стад; расширение

⁶ Термин культуры «скифо-сибирского мира или круга» бесспорно неудачен, поскольку состоит из двух неравноценных определителей — этнического и географического. Но отбросить последний (сибирский) и оставить лишь носящий культурно-этническую окраску (скифский) не стоит, так как получился бы явный перекокс в сторону этнической причинности этого феномена.

обмена и, наконец, изменение природно-климатических условий. Последний фактор в определенный момент стал решающим и привел в действие весь механизм перехода к кочевой форме скотоводства. Этот процесс, как цепная реакция, охватил в начале I тыс. до н.э. всю территорию степей и полупустынь Евразии.

Согласно последним палеогеографическим исследованиям⁷ все II тыс. до н.э. в Евразии было временем сухого жаркого климата. Поэтому в комплексном земледельческо-скотоводческом хозяйстве населения этой территории эпохи поздней бронзы начинает увеличиваться, а в некоторых особенно засушливых районах — превалировать деятельность, связанная со скотоводством, а значит, и накапливаться навыки в его ведении. Увлажнение и похолодание климата, которые фиксируются с рубежа II—I тыс. и достигают апогея в IX—VIII вв. до н.э., сделал степь и полупустыни пригодными для использования в качестве постоянных посезонных пастбищ. В определенных экологических нишах кочевое скотоводство полностью заменяет пастушество.

Существовал еще один фактор, сыгравший немаловажную роль при переходе к кочевой форме скотоводческого хозяйства. Только к началу железного века сформировались оптимальные виды и типы вооружения. Появление их было также необходимым моментом, поскольку скот благодаря своей мобильности превращался в наиболее легко отчуждаемое богатство и охрана его, как и захват у соседей, становились делом первостепенной важности.

Период становления новых форм скотоводческого хозяйства был временем наибольшей подвижности скотоводов-кочевников. Не существовало еще постоянных путей кочевания, строгого посезонного распределения пастбищ, передвижения носили довольно хаотический характер. И все население степей принимало в них участие — на лошадях или в повозках. С невероятной быстротой и на огромнейшие расстояния разносились все достижения как в области ведения новых форм хозяйствования и кочевого быта, так и в области защиты скота и соответственно новых хозяйственных и социальных структур, формировались новые формы связей, способствующие быстрой передаче и заимствованию передовых достижений.

Таким образом, периоду существования культур «скифо-сибирского круга» (конец VIII—IV в. до н.э.) и так называемой «скифской триады» предшествовала более древняя эпоха (конец II тыс. — начало I тыс. до н.э.), которая также ознаменовалась общностью некоторых элементов материальной культуры. Причем эта общность, выделенная в свое время Н.Л. Членовой⁸, была, по ее мнению, еще шире скифской: от Тихого океана до Центральной Европы (правда, Членова исключает из этой общности степное Поволжье и Причерноморье — с. 133, с чем сейчас трудно согласиться) и проявилась в большем наборе сходных предметов. Последнее утверждение также можно оспорить, поскольку безусловное сходство определенных предметов материальной культуры на территории степей Евразии идет практически только по линии оружия и конского снаряжения.

Именно к этому времени — IX—VIII вв. до н.э., которое можно назвать переходным или протоскифским (в широком понимании этого термина) относится появление достаточно четкого деления кочевых племен на две историко-этнографические области⁹: европейскую и азиатскую, условно называемые «скифской» и «сакской». Территория Нижнего Поволжья и Южного Приуралья не входит

⁷ Шнитникова А.В. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария // Записки Географического общества СССР. Новая серия. Т. 16. М.—Л., 1957; Иванов И.В. Изменение природных условий степной зоны СССР в голоцене // Изв. АН СССР. Сер. геогр. Вып. 2. М., 1983.

⁸ Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972. С. 131.

⁹ Яблонский Л.Т. Этноисторическая ситуация в Южном Приуралье эпохи ранних саков // Тез. докл. III Всесоюз. конф. востоковедов «Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке». Т. I. М., 1988. С. 189.

целиком ни в одну из них, являясь промежуточной зоной. Видимо, поэтому она имела свой особый путь развития.

Другими словами, процесс становления культур скифо-сибирского облика, т.е. и погребального обряда и материнальной культуры, начинается не позднее IX—VIII вв. до н.э. К концу VIII — началу VII в. до н.э. кочевые племена Великого пояса степей уже создали целую серию ярких культур, объединяемых в том числе и наличием «скифской триады». Но если говорить о широких хронологических срезах, то наибольшее сходство отдельных элементов триады обнаруживают ранние пласты — комплексы самого конца VIII — начала VI в. до н.э. Однако, оценивая совокупность всех этих в чем-то сходных культур, М.П. Грязнов писал, что каждая из них «вполне самобытна и оригинальна в связи со своим особым историческим прошлым»¹⁰, т.е. генезис любой из них самостоятелен.

На чем же строились общность и сходство культур? Прежде всего на основе предшествовавшего всем этим культурам срубно-андроновского культурно-исторического пласта. На востоке, включая Центральный Казахстан, Семиречье и Приаралье, этот пласт впитал в себя определенные элементы карасукской культуры. Достаточно ярко это проявилось, например, в комплексе Бижэ из Восточного Семиречья (навершие с головками козлов, оформления концов псалий и т.д.)¹¹. Истоки этого сходства уходят своими корнями в эпоху бронзы, во времена распространения в Евразии индоиранских народов, частью которых, вероятно, были андроновские, карасукские и срубные племена¹².

Второй причиной этого сходства культур всего степного населения Евразии, была единая, с небольшими вариациями, форма производящего хозяйства — кочевое экстенсивное скотоводство. Для перехода к нему необходимо было конское снаряжение для верховой езды, которое создавалось населением всего пояса Евразийских степей на протяжении второй половины II и начала I тыс. до н.э., начиная от мягких удил и костяных или роговых псалий¹³ до бронзовых удил и псалий. Бронзовые удила и псалии совершенствовались и одновременно упрощались на протяжении всего VIII и VII вв. до н.э., принимая оптимальные формы. И все достижения в этой области сейчас же подхватывались соседними кочевниками. Но это было не копирование формы, а усвоение идеи в различном выражении¹⁴. Та же самая ситуация, всегда с учетом культурной локальности, иногда для целых регионов существовала и при развитии форм вооружения. Для кочевника отстать в обладании «передовыми», уже имеющимися где-то формами оружия смерти подобно.

Наконец, еще одно слагаемое триады — «скифо-сибирский звериный стиль» — относится уже к области идеологии и мировоззрения древних кочевников Евразии. С одной стороны, его можно рассматривать как одно из символических выражений модели мира, присущее всем древним народам. Близкие идеологические представления (проявившиеся и в близости некоторых черт погребального обряда, особенно в архаическое время) должны были получить и сходные овеществленные выражения. Образы этого зооморфного кода, часть из которых могла быть привнесена извне, прижились и получили яркое, разнообразное выражение еще и

¹⁰ Грязнов М.П. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан // КСИА. 1978. 154. С. 18.

¹¹ Акишев К.А., Акишев А.К. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978. С. 52—54.

¹² Там же. С. 62.

¹³ Смирнов К.Ф. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей // СА. 1961. № 1.

¹⁴ См. Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. Табл. 2, 7, 35, 62, 87, 90, 103; Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. Табл. 4, 52, 61, 72, 85.

потому, что практически всюду легли на почву тотемизма и пережили его. С другой стороны, происходившие в кочевых обществах социально-экономические процессы — выделение всадничества и вообще знати — должны были поддерживаться и освящаться определенной идеологией. Одним из ее выражений во всех архаических культурах раннего железного века, оставленных главным образом индоиранскими племенами, стал так называемый «звериный стиль». Все наиболее ранние изделия, выполненные в скифо-сибирском «зверином стиле», во-первых, связаны с предметами вооружения, конского снаряжения и культа, а во-вторых, дают наиболее близкие параллели на удаленных друг от друга территориях. Это была своего рода маркировка представителей элитарной части кочевников всего Евразийского пояса степей. Сравнительная «тождественность» образов говорит о близости материальной культуры, идеологии этих народов, а также об одинаковой стадии развития их мировоззрения. Сходство в стиле и манере исполнения свидетельствует о бесспорном влиянии при формировании скифо-сибирского «звериного стиля» по крайней мере двух более древних центров его распространения — переднеазиатского (Луристан) и «карасукского» (Ордос, Монголия, Северный Китай). Итак, «скифская триада» должна была сложиться только в недрах кочевого общества.

Каковы же были причины, обусловившие локальность и самобытность каждой из кочевых культур Евразии раннего железного века?

Прежде всего это местная основа, но не в глобальном плане срубно-андроновского культурно-исторического пласта, а в каждом отдельно взятом районе, где формировалась любая локальная раннекочевническая культура. Но, говоря о местной основе, я вовсе не имею в виду какой-то один культурный комплекс, предшествующий этой культуре на конкретной территории. Напротив, как правило, бывает несколько компонентов — два, иногда три, один из которых обычно играет ведущую роль при формировании новой культуры. Каждая культура кочевников степей Евразии имела свой путь генезиса, выяснение которого — дело нелегкое. О происхождении скифской культуры идут уже споры не одно десятилетие и существует несколько версий на этот счет. Я приведу примеры лишь некоторых кочевых новообразований, путь формирования которых относительно ясен.

Так, культура приаральских саков, представленная такими яркими памятниками, как могильники Тагискен и Уйгарак (VII—V или конец VIII—V вв. до н.э.), не только хронологически примыкает к погребальным памятникам этой же территории (X—VIII вв. до н.э.), но и связана с ними целым рядом черт. Речь идет о курганных могильниках и сооружениях типа мавзолеев Северного Тагискена — памятниках позднебронзового времени и курганах Южного Тагискена и Уйгарака, а также могильниках ранних саков. Многокомпонентность в происхождении культурного комплекса Приаралья позднебронзового века, когда начинался процесс формирования раннекочевнических культур, фиксируется очень четко. Автор раскопок Северного Тагискена М.А. Итина считает, что первым по значимости был местный андроновско-фedorовский компонент. Затем следует амирабадский, объясняемый контактами с населением периода поздней бронзы Амударьи. Менее ощутимыми, но также бесспорно присутствующими были восточный—карасукский и южный, по-видимому, бактрийский компоненты¹⁵. Наиболее явные черты преемственности между саками низовий Сырдарьи и населением эпохи бронзы прослеживаются при анализе погребальных сооружений и обряда. По инвентарю такой преемственности в целом проследить не удается¹⁶.

¹⁵ Итина М.А. Ранние саки Приаралья // Археология СССР. Стенная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 36.

¹⁶ Там же. С. 45.

В то же время в Центральном Казахстане, где изучена раннекочевническая тасмолинская культура, основой которой также являлась андроновская культура в фелоровском, в меньшей степени в алакульском выражениях, малозаметный в Приуралье карасукский компонент проявился гораздо сильнее.

Многокомпонентность, сопутствующая формированию практически всех раннекочевнических культур, находит подтверждение в интересном наблюдении Л.Р. Кызласова, сделанном на материалах тувинских памятников. Он пишет, что в ранней стадии уюкской культуры VII—VI вв. до н.э. наблюдается гораздо большее разнообразие форм керамики, чем в V—III вв. до н.э. на этой же территории¹⁷. Все сказанное подтверждает справедливость концепции М.П. Грязнова о невозможности существования единого центра при формировании культур скифо-сибирского круга, т.е. полицентрический характер их становления.

О синхронности процессов формирования раннекочевнических культур степей Евразии (сформулированной М.П. Грязновым как доказательство существования аржано-черногоровской фазы развития скифо-сибирских культур IX—VII вв. до н.э.¹⁸) выше уже говорилось. Однако есть случаи асинхронности и несколько иных вариантов формирования раннекочевных образований. Речь идет об одной из скифо-сибирских культур, а именно о «савроматской» археологической культуре. Термин «савроматская» условен и обозначает не этнос, а определенный археологический комплекс и территорию — Волго-Донское междуречье, Заволжье и Южное Приуралье. Появление этого комплекса (как мы представляем его, исходя из классических материалов конца VI—V вв. н.э.)¹⁹, относится только к середине или второй половине VI в. до н.э. Анализ появившегося в последние годы нового археологического материала вкупе с уже имевшимся позволил говорить о возможности переселения в середине VI в. до н.э. какой-то части кочевого населения Северного Предкавказья на берега Волги. Эта локальная миграция сыграла роль катализатора в процессе окончательного формирования на территории междуречья Волги-Дона и Нижней Волги еще одной культуры скифо-сибирского круга — савроматской. В той или иной форме «выброс» с Кавказа докатился и до степей Южного Приуралья и Зауралья, где в середине VI в. до н.э. резко меняется этнокультурная ситуация. Дело в том, что памятники VII — первой половины VI в. до н.э. известны только в Зауралье; в Южном Приуралье таких памятников практически нет. Совсем недавно, правда, открыто одно погребение в верховьях Илека у пос. Целинный, датируемое второй половиной VII в. до н.э.²⁰ Однако общей картины развития этого региона оно пока не меняет. Но ранние материалы степного Зауралья (VII — первая половина VI в. до н.э.) входят в тасмолинскую историко-этнографическую общность, которая является составной частью обширного сакского мира²¹. Только к середине — второй половине VI в. до н.э. начинается довольно бурное освоение территории Южного Приуралья, и тогда же происходят очень заметные этнокультурные изменения в среде населения Зауралья. Поэтому следует, видимо, согласиться с гипотезой, выдвинутой А.Д. Таировым и А.Г. Гаврилюком, согласно которой все эти процессы середины — второй половины VI в. до н.э. явились результатом проникновения в Южное Приуралье «племен скифо-савроматского круга»²², а я бы доба-

¹⁷ Кызласов Л.Р. Древняя Тува. М., 1979. С. 41.

¹⁸ Грязнов М.П. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1983. С. 3.

¹⁹ Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964.

²⁰ Исмагилов Р.Б. Новое погребение эпохи раннего железа на Илеке // Маргулановские чтения. Сб. материалов конф. 1990 г. М., 1992. С. 143—146.

²¹ Таиров А.Д. Ранние кочевники Южного Зауралья в VII—II вв. до н.э.: Автореф. дис. ...канд. исг. наук. М., 1991. С. 15.

²² Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1988.

вила — и сакского. Только после появления этих групп кочевников начинает активно формироваться самобытная кочевническая культура, известная в литературе как самаро-уральский вариант савроматской культуры или самостоятельная кочевническая культура VI—IV вв. до н.э. Южного Приуралья.

В качестве подтверждения этого мнения можно привести интереснейший факт. До недавнего времени лишь в Южном Приуралье, в могилах начала V в. до н.э. были известны роговые пластины или блюда, сохранявшие иногда даже отростки рога (Мечет-Сай)²³. Одна из пластин была украшена сценой борьбы животных, выполненной в традициях высокохудожественных образцов звериного стиля²⁴. И только в последние годы в раннескифских курганах Ставрополя, исследованных В.Г. Петренко, были найдены обломки таких же пластин или блюд. Причем в одном из курганов отросток рога блюда был украшен изображением, выполненным в зверином стиле²⁵.

Синтез восточных, западных и местных компонентов, взаимодействовавших при формировании южноуральской кочевнической культуры VI—IV вв. до н.э., обнаруживают некоторые памятники этого региона. Особенно интересным представляется погребение из урочища Биш-Оба второй половины VI в. до н.э.²⁶ Найденные в нем золотые биконические серьги, костяные ложка и скульптурная головка львообразного хищника демонстрируют объединение западных и восточных традиций (Кавказ, Центральный Казахстан — тасмолинская культура, ахеменидское искусство)²⁷.

Итак, не позднее середины VI в. до н.э. в Южном Приуралье появляется новый яркий археологический комплекс, с одной стороны, очень близкий нижневолжскому (долгое время объединяемый с ним в одну «савроматскую» культуру), с другой — тесно связанный с серией «сакских» культур.

Вторая, не менее важная причина существования специфичности и локальности каждой из кочевнических скифо-сибирских культур является следствием главного феномена номадизма. Она заключается в «неразрывной и детерминированной связи его с внешним миром, т.е. с иными в хозяйственном, культурном и социальном отношениях обществами»²⁸.

Являясь неавтаркичным обществом, номады не могли существовать без оседлого окружения, будь то население лесостепной зоны, южно-земледельческих культур или государственных образований. Поэтому каждая из кочевнических культур несла на себе окраску соседнего или более отдаленного оседлого коллектива. Для ранних скифов Северного Причерноморья это была культура населения лесостепной зоны, а затем и античных государств Северного Причерноморья; для скифов Предкавказья — культура кобанских племен; для саков Средней Азии и Казахстана — культуры южных земледельческих обществ и государств. Особое место занимают кочевники, оставившие памятники савроматской культуры. При всей схожести материальной и духовной культуры волгодонские кочевники ориентировались на Кавказ, Скифию, государства Северного Причерноморья, южноуральские — на Зауральскую и западносибирскую лесостепь, Хорезм, Ахеменидскую державу и восточные территории степей, где

²³ Смирнов. Савроматы. Рис. 46, 10.

²⁴ Там же. С. 240. Рис. 33.

²⁵ Доклад был прочитан В.Г. Петренко на заседании Отдела скифо-сарматской археологии ИА РАН в 1991 г.

²⁶ Смирнов. Савроматы. С. 40. Рис. 10, 1 а—п.

²⁷ Иакинская В.А. Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968. С. 140; Петренко В.Г. Украшения Скифии VII—III вв. до н.э. САИ, ДА—5. М., 1978. С. 40; Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. С. 397, рис. 62; Смирнов. Савроматы. С. 232.

²⁸ Khazanov A.M. Nomads and the Outside Worlds. Cambridge University press. 1984.

проживало как кочевое, так и оседлое население. Очень ярко такая ориентация проявилась в предметах «звериного стиля». Несмотря на то, что подобные изделия обоих регионов составляют савроматский локальный вариант «скифо-сибирского звериного стиля», нижневолжская группа изделий «явно больше тяготеет к художественной культуре Скифии и Северного Кавказа», южноуральская — «находит аналогии в сибирских, среднеазиатских и прикамских древностях»²⁹.

Итак, связь кочевников с внешним миром была весьма существенным моментом как при формировании каждой из культур, когда произошла удивительная активизация и ближних и дальних контактов, так и на всем протяжении всего периода их существования.

В этой связи встает еще один интересный вопрос — обслуживание потребностей кочевников, в первую очередь в оружии и конском снаряжении, а затем и в других необходимых и престижных изделиях, различными металлообрабатывающими центрами. Ориентация на определенный центр и нередко сопутствующая ей какая-то форма зависимости или подчинения кочевниками оседлого населения этих металлургических центров существовала с самого начала становления кочевого скотоводческого хозяйства. И хотя создание оптимальных форм вооружения и конского снаряжения, несомненно, происходило на территории степных регионов, воплощение в жизнь новых идей и новых форм выпало на долю окружающего оседлого населения. Правда, знаменателен и тот факт, что племена, производившие для кочевников эти изделия, особенно оружие, в меньшей степени конское снаряжение, были и сами потребителями таких же изделий. Это особенно наглядно фиксируется на Северном Кавказе³⁰.

По-видимому, самых ранних скотоводов-кочевников Северного Причерноморья и Предкавказья обслуживало оседлое население лесостепных культур и Северного Кавказа, а также Балкано-Карпатские центры бронзолитейного производства. Приазовские, нижнедонские и нижневолжские кочевые племена базировались на северо-кавказские, а позднее, очевидно, и на волго-камские производственные центры³¹. Кочевники Южного Приуралья, Казахстана и Средней Азии могли пользоваться металлургическими центрами (как медеплавильными, так и бронзолитейными) горнолесного Зауралья³², Восточного и Центрального Казахстана³³.

²⁹ Чежина Е.Ф. Художественные особенности звериного стиля Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху // АСГЭ. 1983. 28. С. 27.

³⁰ Анфимов Н.В. Протоэоетский могильник с. Николаевского // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. II. Майкоп, 1961; *он же*. Новый памятник древнеэоетской культуры (могильник хут. Кубанского) // Скифский мир. Киев, 1975; Козенкова В.И. Кобанская культура. Восточный вариант // САИ. В 2—5. М., 1977; *она же*. Кобанская культура. Западный вариант // САИ ВЯ-5. М., 1989.

³¹ Шрамко Б.А. К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии // ПСА. М., 1971. С. 94; Иессен А.А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце бронзового века // МИА. 1951. 23. С. 111—114, 120—122; Черных Е.Н. Спектральные исследования бронзовых предметов из Николаевского могильника // Материалы по археологии Адыгеи. Т. III. Майкоп, 1972. С. 62; Барцева Т.Б. Химический состав наконечников копий Северного Кавказа VIII—VII вв. до н.э. // КСИА. 1985. 184. С. 48; *она же*. Бронзовые кинжалы Сержень-Юрта (Итоги спектроскопического изучения) // КСИА. 1988. 194. С. 28; Мелькова А.И. Скифия и фракийский мир. М., 1979. С. 59, 60, 69—71; Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. 30. С. 53 сл.; Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М., 1983. С. 157 сл.

³² Бельтикова Г.В. О зауральской металлургии VII—III вв. до н.э. // ВАУ. Вып. 15. Свердловск, 1981; *она же*. Иткульское I городище — место древнеметаллургического производства // Проблемы Урало-Сибирской археологии (ВАУ, вып. 18). Свердловск, 1986.

³³ Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. 88. С. 76. 118 сл.

и Фергано-Ташкентского очага бронзовой индустрии³⁴. Все они функционировали еще в эпоху бронзы и продолжали работать в раннем железном веке.

Минусинская котловина, Алтай и Тува являются достаточно специфическими районами. Первую населяли племена, которые вели оседлый и полуседлый образ жизни (в составе стада основную часть составлял крупный рогатый скот — 45,5%, овцы — 43,8%³⁵). Хозяйство их носило комплексный земледельческо-скотоводческий характер³⁶. Скотоводство существовало главным образом в пастушеской форме с использованием под пастбища степных районов левобережного Енисея. Межгорные котловины Тувы и Алтая также были более всего приспособлены для стабильного скотоводческого хозяйства с сезонными вертикальными перекочевками. Формы скотоводства там были разнообразными от кочевого до пастушеского отгонного, а образ жизни населения от оседлого до кочевого. И в Минусинской котловине, и в Туве³⁷, и на Алтае — лесостепном и горно-лесном регионах³⁸ существовали свои местные небольшие металлургические центры с медноплавильным и бронзолитейным производством, игравшим здесь ведущую роль до IV в. до н.э. включительно. Они сохраняли производственные традиции населения позднебронзового времени и успешно их развивали.

В самых общих чертах намечается различие между характером и путями развития металлургии раннего железного века Западного и Восточного регионов. Оно связано как с организацией самого производства³⁹, так в особенности со значительно более ранним переходом к железоделательной металлургии в Восточной Европе⁴⁰. Все эти моменты необходимо учитывать при выявлении различий не только между отдельными культурами, но и между регионами в целом.

Высказанные соображения относительно существования древних металлургических и металлообрабатывающих центров, на которые должны были опираться кочевники, особенно в наиболее ранний период своего существования, требуют глубокого и всестороннего изучения. Однако бесспорно, что и на этой основе формировались специфические различия материальной культуры как двух крупных регионов — запада и востока, так и отдельных локальных культур. Возможно, со временем восточный регион будет разделен на две различающиеся между собой области — степную и полупустынную на западе и страну высокогорных котловин на востоке. Не только различные ландшафтно-климатические условия, но и ориентация на различные культурные и производственные центры, а также образ жизни и материальная культура населения этих областей составляют два различающихся между собой массива.

Широта и многоплановость проблемы общего и локального в культурах «скифо-сибирского мира» обуславливают невозможность решения ее без детального исследования каждой из культур с применением одинаковых методик. Следует еще добавить, что при изучении вопросов становления и существования

³⁴ Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайра-Кумов. Душанбе, 1962. С. 196 сл.

³⁵ Уршиц Ю.С. Производство в Тагарскую эпоху // Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа // МИА. 1960. 90. С. 126; он же. О роли и месте Забайкальского центра медно-бронзовой металлургии в эпоху бронзы и раннего железа // По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск, 1983.

³⁶ Членова Н.Л. Тагарская культура // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 220.

³⁷ Сунчугашев Я.И. Горное дело и выплавка металлов в древней Туве. М., 1969.

³⁸ Грязнов М.П. История древних племен верхней Оби // МИА. № 48. С. 79—81.

³⁹ Сунчугашев Я.И. Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакаско-Минусинской котловине. М., 1975; он же. Древняя металлургия Хакассии: эпоха железа. Новосибирск, 1979.

⁴⁰ Шрамм Б.А., Фомин Л.Д., Солнцев Л.А. Начальный этап обработки железа в Восточной Европе (доскифский период) // СА. 1977. № 1.

этих культур следует учитывать все варианты процессов в среде кочевых народов: миграции, диффузии, направление маршрутов перекочевок, торговля и обмен. Все это и создавало конкретно-историческую ситуацию для формирования каждой из культур «скифо-сибирского мира».

М.Г. Мошкова

ON THE PROBLEM OF THE NATURE OF SIMILARITIES
AND DIFFERENCES IN THE CULTURES OF THE EURASIAN STEPPE
IN THE 1ST MILLENIUM B.C.

M. G. Moshkova

In the late IInd — early Ist millennium B.C. the Eurasian steppes witnessed the emergence of the most specific type of the producing economy, nomadic cattlebreeding, and mastery of iron as the leading metal.

Both events laid the foundation for the formation in this ecological zone of early nomad cultures of the Scytho-Siberian world united by the so-called Scythian triad (weapons, horse harnesses, animal style).

The transition to extensive nomadic cattle-breeding was conditioned by a number of factors, on the basis of which a new economic system and, accordingly, a new way of life came into being.

By the late VIIIth — early VIIth century B.C. the nomad tribes of the Great Steppe Belt had created a series of vivid, somewhat similar, but at the same time distinctive and original cultures. Their similarity was based on the following: the existence of a single underlying and preceding them Andronovo stratum of the timber-grave culture, identical, with few variations, mode of the producing economy, extensive nomadic cattle breeding; close ideological concepts which found expression in objects of the so-called «animal style».

The local character and originality of each nomad culture were likewise conditioned by a number of reasons. In the first place, it is a local foundation in every separately taken region, multicomponential, as a rule. The second reason is the consequence of the chief phenomenon of nomadism consisting in its unbreakable and determined ties with the outside world, i.e. with economically, culturally and socially different societies. Therefore each nomad culture acquired elements of neighbouring or more distant settled or semi-settled groups. Orientation of the nomad tribes towards specific metallurgical centers also determined the local character of each culture of the Scytho-Siberian world.